

АРХИВ
ARCHIVE

УДК: 82-6

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-11

Масалов А. Г.

Письма О. А. Данилевской Н. Н. Страхову
(«отчет» о свидании с Л. Н. Толстым)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; masalov@bsu.edu.ru

Аннотация. Более шестнадцати лет дружбы, а главное – идейная и душевная близость связывали выдающегося культуролога, мыслителя и естествоиспытателя Н.Я. Данилевского с философом, критиком и публицистом Н.Н. Страховым. Страхов стал популяризатором и апологетом идей Данилевского, душеприказчиком и издателем его работ. Отдельный интерес представляют письма вдовы Н.Я. Данилевского, Ольги Александровны, к Н.Н. Страхову, в которых она делится, в частности, своими наблюдениями и впечатлениями от общения с Л.Н. Толстым и его семьей.

Ключевые слова: О.А. Данилевская; Н.Я. Данилевский; Н.Н. Страхов; Л.Н. Толстой

Для цитирования: Масалов А.Г. Письма О.А. Данилевской Н.Н. Страхову («отчет» о свидании с Л.Н. Толстым) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 2. С. 127-131. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-11

A. G. Masalov

Letters from O. A. Danilevskaya to N. N. Strakhov
(a "report" on the meeting with L. N. Tolstoy)

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; masalov@bsu.edu.ru

Abstract. More than 16 years of friendship and, most importantly – ideological and spiritual closeness, connected the outstanding cultural scientist, thinker and natural scientist Nikolai Ya. Danilevsky with the philosopher, critic and publicist Nikolai N. Strakhov. Strakhov became a popularizer and apologist of Danilevsky's ideas, and a publisher of his works. Of particular interest are the letters of the widow of Nikolai Danilevsky, Olga Danilevskaya, to Nikolai Strakhov, in which she shares, in particular, her observations and impressions of communication with Leo Tolstoy and his family.

Keywords: Olga A. Danilevskaya; Nikolai Ya. Danilevsky; Nikolai N. Strakhov; Lev Tolstoy

For citation: Masalov A. G. (2021), "Letters from O. A. Danilevskaya to N. N. Strakhov (a "report" on the meeting with L. N. Tolstoy)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (2), 127-131, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-11

Вклад Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885) в русскую научную мысль трудно переоценить. Его основной труд «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1869)¹, заложивший основы цивилизационного подхода к истории, в свое время принес ему славу, но также и неприятие со стороны современных ему западников. Весьма примечательны и его работы о дарвинизме, также ставшие предметом научных дискуссий, и социально-экономические статьи.

К числу близких друзей Н.Я. Данилевского принадлежал философ, критик и коллега-ученый Николай Николаевич Страхов (1828–1896). Ему было суждено сыграть основную роль в популяризации идей своего соратника: после смерти Н.Я. Данилевского Н.Н. Страховым были изданы его «Дарвинизм. Критическое исследование» в трех томах (1885–1889), «Россия и Европа» (1888, 1889, 1895) и «Сборник политических и экономических статей» (1890). Не раз приходилось ему вступать в полемику с противниками взглядов Данилевского, в частности, с Вл.С. Соловьевым и К.А. Тимирязевым.

Страхов любил бывать в Мшатке, имении Данилевского в южной оконечности Крымского полуострова, недалеко от Фороса. Гостеприимные хозяева принимали там многих выдающихся деятелей русской культуры, в числе которых были Лев Толстой, Аполлон Майков, Петр Семенов-Тянь-Шанский и др.

Историки рода Данилевских отмечают высокую культуру, образованность и любовь к чтению супруги

¹ Первая публикация в течение 1869 года в журнале «Заря», который в это время редактировал Н.Н. Страхов, считалась первым изданием. Отдельной книгой работа издана после окончания журнальной публикации, в 1871 г.

Н.Я. Данилевского Ольги Александровны Данилевской (в девичестве Межаковой) (Данильченко, Рау, 1999). «Книги для меня, – писала она Н.Н. Страхову в 1887 году, – что для пьяницы водка. Ими я и интересуюсь, ими и силюсь я глушить свои думы...» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 17121. Л. 6).

После смерти своего друга Н.Н. Страхов поддерживал с его вдовой теплые отношения, которые без преувеличения можно назвать «духовной дружбой». Об этом свидетельствует их частично сохранившаяся переписка, фрагменты которой публикуются здесь.

Приведенные отрывки содержат воспоминания о пребывании О.А. Данилевской в гостях у Л.Н. Толстого в Москве, или, по слову автора писем, «отчет» о впечатлениях от встречи с великим писателем и его семьей. Расшифровки писем публикуются в соответствии с нормами орфографии и пунктуации современного русского языка.

1-20 мая 1887 г., Мшатка².

Дорогой, многоуважаемый Николай Николаевич!

Видно, Вы остались недовольны моим отчетом свидания моего с Толстым. Ибо не получаю от Вас ответа. Я и сама чувствую, что он плох, но многое не хочу передавать вовсе на бумаге, а другое (из того, что он говорил) боюсь, не сумею хорошо передать и потому и оставляю до свидания, о времени которого жажду услышать. <...>

Теперь о Толстом: свои выводы и впечатления оставляю до свидания, да я еще ничего ясно сообразить или подумать не успела. Постараюсь написать все, как было. По Вашему совету и с приданной

² ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 17120. Л. 1-5

Вами мне храбростью поехала я с Третьей Мещанской на дрожках к Толстым. Это ведь большое путешествие. Я никак не могла себе представить, как длинна Москва. Но, несмотря на все урезонивания себя, я вошла к нему на крыльцо с волнением <...>. Я чувствовала, что для меня он выше всех министров, и что мне страшно беспокоить его. Приехала я, как Вы советовали, во втором часу; встретивший меня лакей объявил, что граф принимает только в шесть часов вечера. Я попросила лакея показать графу мою карточку и сказать, что я из Крыма. Лакей вернулся со словами: «Пожалуйста, граф сейчас идет». И едва успела я снять бурнус, как на лестнице послышались быстрые шаги. Лев Николаевич быстро спускался и, увидав меня, воскликнул: «Как я вам благодарен, что вы заехали ко мне» и все повторял: «Как я вам благодарен!», пока не привел в комнатку направо (внизу); тут он спросил, как живу. Когда же я его спросила, как он живет, то ответил: «Живу и жду смерти». На мои слова, что это (т. е. смерть) лучшее, что есть в жизни, воскликнул: «А долг!?!». И тут говорили мы с полчаса. Тут он сказал, что хочет познакомить меня с графиней, что пойдет посмотреть, что она делает.

Во время нашего разговора забежал его сын Миша и так прижался к отцу, и он так обнял его машинально, разговаривая со мной, что я ни за что не поверю, чтобы он был равнодушен к семье. Скоро сходил он и повел меня к графине, которая приняла меня очень приветливо. Граф скоро ушел, и графиня очень скоро объявила: «Мы с вами как будто век знакомы были». Я ответила, что действительно, мы через Вас (Николай Николаевич) знакомы. Тут начался разговор о Вас. Не помню, чтоб бранили, но хвалила Вас графиня прилежно. Спрашивала, собираетесь ли Вы нынче к ним и когда именно, и видимо желает Вашего приезда. Спрашивала она меня, были ли Вы когда-нибудь влюблены. Немного посплетничала, конечно. Выдала мне свои соображения. Несколько раз я вставала, и она меня все удерживала. Тут

пришел и Лев Ник[олаевич]. Кончилось тем, что я должна была на другой день приехать к ним обедать. На другой день, когда я приехала обедать, их не было дома, и я, пока сидела у старшей дочери, тут увидела почти всех детей. О них расскажу, когда приедете <...>.

После обеда Лев Николаевич ушел спать, и сколько раз я ни вставала, Графиня все меня удерживала, и мне очень было у них хорошо и свободно <...>. Когда же я в 11 часов стала прощаться, то он объявил, что пойдет меня провожать, если я согласна немного пройти пешком, что пойдет проведать Перфильеву³ (умирающую). И шли мы с ним, как мне сказали потом Пальчиковы⁴, очень много (до Тверской, что ли). И все он говорил, говорил, я почти молчала. Чувствовала я, что он старается меня утешить или, верней, в моем горе ищет разрешить мучающую его самую проблему. И очень было мне с ним хорошо. Но чувствовала я, хотя ничего не сказала, что не утешить ему меня этим образом и самому не утешиться. Не то надо! Не там искать, где он ищет. В Боге, да! Конечно, но не в том, которого он указывает. Упомянул он раз, что Вы с ним не согласны (в чем, расскажу, когда приеду). И прибавил: «Хороший, чудесный он человек, я особенно его полюбил теперь еще больше за его любовь к Николаю Яковлевичу. Он один сумел мне растолковать, что это был за человек». Говорил и о своей жене, и о детях, но все расскажу, когда приедете. Пройдя вдоль какой-то бульвар и еще две улицы, он сказал, что надо взять извозчика, а то будет очень поздно. Мы сели и, продолжая разговаривать, доехали до дома Перфильевой. Тут он простился, опять благодаря за то, что заехала к нему... Этот человек должен сильно действовать на людей, и не полюбить его невозможно. Но об этом при свидании. Очень понравились

³ Прасковья Федоровна Перфильева (Голстая) (1831–1887), дочь Ф.И. Толстого, троюродная сестра Л.Н. Толстого.

⁴ Дворянский род, известный как минимум с XVII в.

мне и графиня, и дети, но какое разнообразие. Но мои впечатления должны остаться до свидания. Не знаю, будете ли Вы довольны моим отчетом. Я старалась быть верной и все по порядку написать. Но думаю, что за это письмо не похвалите. Много еще хотелось бы мне сказать и спросить у Вас <...>.

Прощайте, дорогой Николай Николаевич, отвечайте мне скорей, довольны ли Вы моим отчетом и скоро ли Вас ждать.

Преданная Вам О. Данилевская.

6-го мая 1887 г., Мшатка⁵.

Вы правы, дорогой, многоуважаемый Николай Николаевич! Я думала, что Вы будете иметь право быть недовольным моим отчетом. «Внутреннее», как Вы называете, я все сознательно пропустила <...>.

Было мне у Т[олстого] так хорошо, так привольно (не знаю, знаете ли Вы, что я терпеть не могу ходить в гости), что я совершенно не подумала ничего проникать, примечать или припоминать, только наслаждалась. А впечатление, помните, а не проникновение, осталось, кажется, вот какое. Семья дружная, смиренно любящая друг друга. Но не единоклубная, не единомыслящая. Два разных стремления (или лагеря) наверно есть, а может, и более. Но что общего всей семье – это отсутствие фальши и доброта, вероятно, большей частью безотчетная, и поэтому так хорошо у них. Л[ев] Н[иколаевич], на мой взгляд, очень постарел, присмирел, нет того самоуверенного восторга, который поражал меня в его пребывание в Мшатке. Л[ев] Н[иколаевич] боится своей жены или, скорее, боится расстроить ее нервы и потому не борется, не противодействует, но огорчается, явно забывая, что нет пророка во отечестве. Не будет ли это слишком уж опрометчиво с моей стороны утверждать, но мне кажется, что вера его в свою веру уже пошатнулась; по крайней мере, в тоне его нет этой прежней самоуверенности, а стремление терпеливо нести свой крест, т. е. земную жизнь или тело, которое он,

впрочем, называет не крестом, а лопатой, которой надо копать, пока копается и стремиться к лучшему, к одному, а когда я спросила, что это одно, он ответил: «К Богу». И ничего мне не твердил прежнего, что он выражал словами «едино на потребу»! Утешая меня, он силился доказать мне, что я не должна думать, что Николая Яковлевича нет, что это ум думает и чувствует мое тело. А что я должна думать, что он есть, тут в саду, на всякой дорожке, у всякого куста... что это все только мое тело думает, что его нет! Как же это? Ну да Вам не это надо от моего письма! Вообще мне кажется, что Л[ев] Н[иколаевич] грустен и путается. Говоря о том, что Николай Яковлевич тут, он упомянул, что это так: «Хотя друг наш Николай Николаевич с этим не согласен!». Путался он и вертелся, как мне казалось, все на этой мысли, может быть, от того, что старался подделаться к моему слабому женскому разумению. А я из этого по своему самомнению заключаю, что он не уверен, не ясно видит то, что говорит, и что он плохой философ. А о графине что? Она красива, но не грациозна. Способна ясно воспринимать, чиста, добра, откровенна, даже чересчур, у нее, что называется, срывается с языка. Очень деятельна (теперь, по крайней мере) и еще не успела нарадоваться своему воцарению и не видит, как тяжело побитому врагу его отступление, хотя и очень его любит (по-своему). Но у ней нету, что называется, глубины. Права ли я? А все-таки я чувствую, что ее можно сильно полюбить (не говорю о мужчинах), но и женщине. Но себе в доверенные друзья я бы ее не взяла. Чересчур часто она говорит, не подумав. Это же не есть правдивость? В то время как я была, по крайней мере, она казалась совершенно счастливой. Дети? Старшая дочь в периоде разочарований (или, может, какой-нибудь роман). Немного чересчур о себе высокого мнения. Недурна, но не грациозна и духом не покойна. Любимица матери так же, как и старший сын, которого я не видела, и двое меньших, также любимцы матери. Это по-

⁵ ИР НБУ (Київ). Ф. III. Ед. хр. 17121. Л. 1-4, 6.

следнее я заключила из ее, т. е. граф[ини] слов. Илюшу [нрзб.], как зовут его маленькие, я мало видела, но заключаю из слов матери: добрый, но любит удовольствия. И тем больше из старших мне с первого раза понравилась вторая дочь Маша. Она очень застенчива, и мать говорит, что неправдива. Но всего ближе стоит к отцу, так же, как и третий сын Лева. Так сказал мне Л[ев] Н[иколаевич]. Мне же она как-то очень по сердцу пришлась. Леву я мало видела. Маленькие два мальчика прелестны (пока), особенно Миша. Но венец всей семьи наружной прелестью – это самая меньшая дочь Александра Львовна, как ее шутя зовут. По-моему – портрет отца, особенно глаза <...>.

Смело решаю и о внутреннем. Еще мне показалось, что к верованиям Гр[афиня] совершенно индифферентна, нельзя употребить «равнодушна». Она как-то странно, даже некстати спросила меня: «Разве Вы верите в будущую жизнь?». И когда я ответила: «Что бы я без этого стала делать?» – перескочила на другой разговор. Л[ев] же Н[иколаевич], как я заметила, не любит заводить хорошие разговоры при жене, по крайней мере, явно тяготеет и уходит от житейских разговоров. Ну, думаю, довольно! Чуть-чуть много, чуть-чуть опрометчиво! Но, простите, все это – в угоду Вам. Но все-таки замечая, что внутреннего-то я ничего и не написала, или почти ничего. Но примите в расчет мое доброе намерение, простите меня и сейчас же прочитав – сожгите. Это я прошу как большую милость. У меня какое-то чувство, что я нехорошо делаю <...>.

Прощайте. До свидания, дай вам Бог спокойствия душевного и здоровья.

Преданная Вам О. Данилевская.

Письма Н.Н. Страхова вдове Н.Я. Данилевского нам не известны. Их последняя очная встреча состоялась летом 1895 года в Мшатке, за несколько месяцев до смерти Николая Николаевича.

Литература

Данильченко, В., Рау, И. Воспоминания // Русский Север. Вологда, 1999. 06.10. То же: Дворянские усадьбы. [Электронный ресурс] URL:

https://www.booksite.ru/usadba_new/nicol/2_16.htm (дата обращения: 03.03.2021).

References

Danilchenko, V., Rau, I. (1999), “Memories”, *Russkiy Sever* [Online], available at: https://www.booksite.ru/usadba_new/nicol/2_16.htm (Accessed 3 March 2021).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Масалов Алексей Геннадиевич, кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг Научной библиотеки им. Н. Н. Страхова, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; masalov@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexei G. Masalov, PhD in Philosophical Sciences, Head of the Department of Rare Books, Nikolai Strakhov Scientific Library, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; masalov@bsu.edu.ru